

Белые ночи — эпизод 15 из 23

Ах, добренькая моя Настенька! перебил я, не скрывая улыбки, нет же, нет; вы, наконец, вправе, потому что он вам обещал. Да и по всему я вижу, что он человек деликатный, что он поступил хорошо, продолжал я, всё более и более восторгаясь от логичности собственных доводов и убеждений, он как поступил? Он себя связал обещанием. Он сказал, что ни на ком не женится, кроме вас, если только женится; вам же он оставил полную свободу хоть сейчас от него отказаться... В таком случае вы можете сделать первый шаг, вы имеете право, вы имеете перед ним преимущество, хотя бы, например, если б захотели развязать его от данного слова...

Послушайте, вы как бы написали?

Что?

Да это письмо.

Я бы вот как написал: Милостивый государь...

Это так непременно нужно милостивый государь?

Непременно! Впрочем, отчего ж? я думаю...

Ну, ну! дальше!

Милостивый государь! Извините, что я... Впрочем, нет, не нужно никаких извинений! Тут самый факт всё оправдывает, пишите просто:

Я пишу к вам. Простите мне мое нетерпение; но я целый год была счастлива надеждой; виновата ли я, что не могу теперь вынести и дня сомнения? Теперь, когда уже вы приехали, может быть, вы уже изменили свои намерения. Тогда это письмо скажет вам, что я не ропщу и не обвиняю вас. Я не обвиняю вас за то, что не властна над вашим сердцем; такова уж судьба моя!

Вы благородный человек. Вы не улыбнетесь и не подосадуете на мои нетерпеливые строки. Вспомните, что их пишет бедная девушка, что она одна, что некому ни научить ее, ни посоветовать ей и что она никогда не умела сама совладеть с своим сердцем. Но простите меня, что в мою душу хотя на один миг закралось сомнение. Вы не способны даже и мысленно обидеть ту, которая вас так любила и любит.

Да, да! это точно так, как я думала! закричала Настенька, и радость засияла в глазах ее. О! вы разрешили мои сомнения, вас мне сам бог послал! Благодарю, благодарю вас!

За что? за то, что меня бог послал? отвечал я, глядя в восторге на ее радостное личико.

Да, хоть за то.

Ах, Настенька! Ведь благодарим же мы иных людей хоть за то, что они живут

вместе с нами. Я благодарю вас за то, что вы мне встретились, за то, что целый век мой буду вас помнить!

Ну, довольно, довольно! А теперь вот что, слушайте-ка: тогда было условие, что как только приедет он, та тотчас даст знать о себе тем, что оставит мне письмо в одном месте, у одних моих знакомых, добрых и простых людей, которые ничего об этом не знают; или если нельзя будет написать ко мне письма, затем что в письме не всегда всё расскажешь, то он в тот же день, как приедет, будет сюда ровно в десять часов, где мы и положили с ним встретиться. О приезде его я уже знаю; но вот уже третий день нет ни письма, ни его. Уйти мне от бабушки поутру никак нельзя. Отдайте письмо мое завтра вы сами тем добрым людям, о которых я вам говорила: они уже перешлют; а если будет ответ, то сами вы принесете его вечером в десять часов. Но письмо, письмо! Ведь прежде нужно письмо писать! Так разве послезавтра всё это будет.

Письмо... отвечала Настенька, немного смешавшись, письмо... но...

Но она не договорила. Она сначала отвернула от меня свое личико, покраснела, как роза, и вдруг я почувствовал в моей руке письмо, по-видимому уже давно написанное, совсем приготовленное и запечатанное. Какое-то знакомое, милое, грациозное воспоминание пронеслось в моей голове!

R, o Ro, s, i si, n, a na, начал я.

Rosina! запели мы оба, я, чуть не обнимая ее от восторга, она, покраснев, как только могла покраснеть, и смеясь сквозь слезы, которые, как жемчужинки, дрожали а ее черных ресницах.

Ну, довольно, довольно! Прощайте теперь! сказала она скороговоркой. Вот вам письмо, вот и адрес, куда снести его. Прощайте! до свидания! до завтра!

Она крепко сжала мне обе руки, кивнула головой и мелькнула, как стрелка, в свой переулок. Я долго стоял на месте, провожая ее глазами. До завтра! до завтра! пронеслось в моей голове, когда она скрылась из глаз моих.

и ее любовники (итал.).